

ПОТЕСТАРНОСТЬ

ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ

Ответственный редактор

В.А. Попов

Рецензенты:

Ю.В. Кнорозов, И.В. Следзевский

Потестарность: генезис и эволюция. — СПб.: МАЭ
РАН. 1997. — 214 с.

Коллективная монография представляет собой опыт этнокультурного исследования феномена потестарности (властвования). Выявлены основные психофизиологические механизмы власти (внушение, подражание, обыкновение, запреты) и установлена их историческая преемственность (посредством традиции). Показано восприятие аномальностей властвующих субъектов как психологического превосходства над управляемыми. Обнаружены и исследованы алгоритмы аномального поведения харизматических лидеров. Доказывается, что истоки лидерства восходят к посредничеству, а управление неформальным сообществом возможно и без лидера, когда субъектом власти становится безличная среда. Сформулированы основные архетипы и модулы потестарности. Значительное внимание уделено русской традиционной политической культуре и ее эмоционально-иррациональной специфике.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателя книга представляет собой коллективную монографию, посвященную исследованию феномена потестарности¹ в исторической динамике, а также специфики потестарных отношений в различных этнокультурных контекстах.

Идея написать эту книгу возникла в 1992 г. во время работы над темой «Истоки лидерства: этнокультурные факторы генезиса и становления властвующего субъекта», когда авторский коллектив осознал необходимость разобраться в принципиальных вопросах генезиса власти как таковой, поскольку без этого невозможно было понять, кто и почему становится легитимным лидером и получает возможность для властвования.

Большинство разделов настоящей монографии написано в 1993—1996 гг. в процессе выполнения ряда научно-исследовательских проектов, финансировавшихся Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ) и Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ).²

Во введении обосновывается трактовка потестарности как волевого доминирования и подвергаются критике подходы, абсолютизирующие физическое принуждение или ассоциирующие власть только с силой и организованным насилием. Под потестарными отношениями предлагается понимать те отношения, в которых отражается принцип иерархичности между людьми и их коллективами. Подчеркивается, что асимметричность потестарных отношений, ставшая одним из детерминирующих факторов стабилизации социумов, возникла на самых ранних стадиях социогенеза и обусловлена функциональными различиями индивидуальных ролей в человеческих коллективах, а также психологическими механизмами властвования/подчинения.

Основное содержание книги распределено по трем главам, каждая из которых состоит из нескольких разделов. Первая глава «Истоки власти» посвящена этнокультурным и психофизиологическим истокам потестарности, условиям и факторам генезиса власти. В первых трех разделах главы реконструируются конкретные механизмы волевого доминирования в традиционных обществах, а также демонстрируется их проявление в развитых социально-политических организмах, прежде всего в

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Введение. ФЕНОМЕН ПОТЕСТАРНОСТИ	7
Глава I. ИСТОКИ ВЛАСТИ	21
1. Власть традиции: психофизиологические механизмы	22
2. Священный трепет, или амбивалентность табу	30
3. Запрет как норма поведения: пищевые и сексуальные табуации	34
4. Аномальность лидера как психологическое превосходство ...	44
5. Алгоритмы аномального поведения субъектов власти	58
6. Стадиальность менталитета и ошибки рациональных интерпретаций потестарного поведения	75
Глава II. ПОТЕСТАРНОСТЬ КАК АРХАИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО	82
1. Старшинство, предводительство, вождество	82
2. Бигменство: традиционная власть в Меланезии	126
3. Лидерство и управление в субкультурных средах	139
Глава III. ПОТЕСТАРНОСТЬ В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ	153
1. Психологические стереотипы потестарности в русском традиционном сознании	153
2. Иррациональность и власть в политической культуре России	175
3. Традиционная потестарность в этноисторической динамике (на примере Средней Азии)	193
Заключение. АРХЕТИПЫ И МОДУСЫ ПОТЕСТАРНОСТИ	209
Списки сокращений	213

монография ПОТЕСТАРНОСТЬ *генезис и эволюция*

*Утверждено к печати
Ученым советом
Музея антропологии и этнографии
им. Петра Великого
(Кунсткамера)
Российской Академии наук*

Редактор *В.А. Попов*
Технический редактор *В.Т. Бочевер*
Художник *А.Ю. Харитонов*
Набор и компьютерная верстка *М.П. Оняновой*

Сдано в набор 09.09.96. Подписано к печати 15.10.97.
Формат 60×90 1/16. П.л. 13.5
Печать офсетная. Тираж 320 экз.
Заказ

Лицензия ЛР № 020889 от 25.05.94

Типография «Радар»
197022, Санкт-Петербург, Аптекарский пр., 6

саморегулирования с помощью механизмов «любви-заботы». Второй раздел главы в значительной степени посвящен феномену любви в русской культуре вообще и в ТПК русских в частности, при этом обращается внимание на ее тесную связь с насилием и даже уподоблением ему.

В последнем разделе главы исследуется совокупность факторов (политические события, идеологические учения, этносоциальный состав населения и его образ жизни) в их взаимосвязи и взаимообусловленности, влияющих на суть и характер организации территории, хозяйства, общества и управления ими в среднеазиатском регионе в течение последних двух веков. С учетом этноисторической динамики детально проанализированы структуры управления и основные потестарные институты народов Средней Азии в ханское, «военно-народное» (царская Россия) и республиканское (СССР) правления. Выявлены главные механизмы устойчивости среднеазиатского общества, и прежде всего — родственная преемственность. Обращено внимание на особое значение так называемой белой (святой) группы населения (группа задиён-ходжа) на всех уровнях управления.

В заключении обобщаются итоги проведенного исследования и кратко характеризуются основные архетипы и модусы потестарности.

Монография подготовлена следующим коллективом авторов: Введение — В.В. Бочаров, Е.К. Завьялова, В.А. Попов; Глава I — В.В. Бочаров (при участии В.А. Попова); Глава II, раздел 1 — П.Л. Белков, раздел 2 — Н.А. Бутинов, раздел 3 — Т.Б. Щепанская; Глава III, раздел 1 — Е.К. Завьялова, раздел 2 — В.В. Бочаров, раздел 3 — Р.Я. Рассудова; Заключение — В.А. Попов.

¹ Потестарность (от лат. potestas — власть, сила, могущество, господство) — властвование.

² При финансовой поддержке РФФИ и РГНФ написаны введение и раздел 1 главы III (проект РФФИ № 93-06-10297 «Архаический синдром в бывшем Советском Союзе. Проблема возрождения архаического сознания в экстремальных ситуациях и в закрытых культурных средах», рук. И.В. Следзевский), глава I и разделы 1 и 3 главы II (проект РГНФ № 95-06-17668 «Этнокультурные факторы тоталитаризма», рук. В.А. Попов), раздел 2 главы III (проект РГНФ № 96-01-00109 «Этнические аспекты власти. Антропология насилия», рук. В.В. Бочаров).

Введение

ФЕНОМЕН ПОТЕСТАРНОСТИ

Понятие власти есть ключевое понятие в сфере политики, поскольку политическая деятельность так или иначе связана с проявлениями власти. Понимание же самой политической деятельности может быть необычайно широким и включать в себя все сферы деятельности, в которых индивид (или группа) реализует себя с другими индивидами (или группами) в системе властных (потестарных) отношений, в системе господства и подчинения. По существу понятие политической деятельности охватывает все области взаимодействия людей, в которых одни в большей степени оказывают воздействие на поведение других, последние же занимают подчиненное положение. Б.И. Хатунцев справедливо заметил в середине 20-х годов нынешнего столетия: «От колыбели почти до могилы мы властвуем и подчиняемся. Властвованием и подчинением наполнена наша жизнь» [18, с.10—11]. Поэтому, с нашей точки зрения, понять феномен властвования (потестарности), во многом означает осознание самой основы человеческих взаимоотношений.

Термин «власть», употребляемый как на бытовом уровне, так и на научном, широк и неопределен. Это, в частности, отметил Е. Вятр: «Понятие власти вообще, равно как и понятие политической власти, трактуется по-разному, как в бытовом смысле, так и в научной литературе. В повседневной жизни мы говорим о власти над детьми, о власти пророка над последователями его учения, о власти над человеком сил природы, под господством которых мы находимся, пока не сумеем подчинить их себе, о власти государства над гражданами. Это весьма различные понятия о власти, часто имеющие между собой мало общего» [5, с.157]. В сфере научного употребления этого понятия автор выделяет шесть типов,¹ «не говоря уже о различиях в формулировках внутри каждого из этих типов» [5, с.158]. Г.Г. Филиппов также отмечает отсутствие достаточной ясности и основательности даже в определении самих исходных понятий, посредством которых делаются попытки охарактеризовать власть. Рассматривая определение власти, которое дает «Философский энциклопедический словарь», а именно:

«Власть — в общем смысле способность и возможность осуществлять свою волю, оказывать определяющее воздействие на деятельность, поведение людей с помощью какого-либо средства — авторитета, права, насилия (экономическая, политическая, государственная, семейная и др.)» [16, с.85], он справедливо заметил: «Оно (определение. — *Авт.*) не дает ответа на целый ряд вопросов: в чем конкретно заключаются “способности” и “возможности” осуществлять волю? Какова социальная природа этих “способностей” и “возможностей”? Откуда они берутся? В чем социальная основа и сущность власти? Есть ли различие между индивидуальным осуществлением воли и групповым, классовым, общественным и т.д.». Знакомство же с литературой по этим вопросам ни в коей степени не может внести ясность в эту проблему, и можно вполне согласиться с выводом того же Г.Г. Филиппова: «Остается в тени самое главное — источники, природа власти как общественного явления» [17, с.4].

Попробуем все-таки определить основной смысл, который обычно вкладывают в это понятие. Широта его употребления, которую отметил Е. Вятр, на наш взгляд, обусловлена тем, что оно в известной мере служит отражением универсального принципа иерархичности, который обуславливает взаимодействие элементов материального мира. Причем этот принцип определяет взаимодействие как различных систем в этом мире, так и элементов внутри какой-либо системы. Однако понятие власти также предполагает, что обязательным компонентом в неравнозначном взаимодействии систем или элементов системы всегда является человек, который может находиться либо в активной, либо в пассивной позиции как по отношению к объектам материального мира (например, когда мы говорим о власти человека над природой, машинами, и наоборот), так и к другим людям. Обществоведение же ограничивает сферу употребления понятия власти лишь констатацией принципа иерархичности внутри человеческого общества, в соответствии с которым люди, социальные группы и политические организации доминируют над другими людьми, социальными группами и политическими организациями, оказывают влияние на их деятельность.

Таким образом, понятие власти, отражающее принцип иерархичности между людьми и коллективами, выступает в виде потестарных отношений. Они же, в свою очередь, могут ох-

ватываться как процессы явного властвования и подчинения, так и такие взаимоотношения людей, которые принято считать полностью равноправными. Так, русский писатель А. Гончаров в своих произведениях неоднократно высказывал мысль о том, что в дружбе всегда кто-то раб, а кто-то господин, хотя ни тот ни другой никогда не признаются в этом публично. Эта же мысль заложена в пословице бамбара — западноафриканского этноса, живущего в Республике Мали: «Если есть два друга, то один должен быть над другим. Иначе им не понять друг друга. Чем ярче они, тем труднее понять им друг друга» [1, с.90].

Иерархичность характеризует и отношения между людьми, в основе которых лежит любовь. Похоже, что женщины в своей потребности любви ищут возможность реализовать свой инстинкт покорности, преданности своему избраннику; у мужчины же это чувство связано с реализацией инстинкта доминирования, который часто переживается и как ответственность за любимую им женщину, что необходимо присутствует в психологических переживаниях властелина по отношению к подвластному. Вот как описывает такие мужские ощущения Л.Н. Толстой: «В душе его (Андрея Болконского. — *Авт.*) вдруг повернулось что-то: не было прежней поэтической и таинственной прелести желания, а была жалость к ее женской и детской слабости, был страх перед ее преданностью и доверчивостью, тяжелое и вместе с тем радостное чувство долга, навеки связавшего его с нею...». На связь власти с «принципом социальной ответственности» справедливо указывает, например, Н.М. Кейзеров [9, с.16].

С властью обычно связывается использование средств принуждения, с помощью которых оказывается воздействие на поведение подвластных. Вот небольшой перечень определений, данных представителями различных научных дисциплин [19, с.307].

Социолог М. Вебер: «Власть означает любую закрепленную социальными отношениями возможность настаивать на своем даже при наличии сопротивления, независимо от того, в чем эта возможность выражается» (1921 г.).

Философ Б. Рассел: «Власть может быть определена как достижение намеченных эффектов» (1938 г.).

Политолог Р.Э. Дал: «Мое интуитивное представление о власти выглядит примерно так: *A* обладает властью над *B* в той

мере, в какой он может заставить *B* делать то, что предоставленный самому себе *B* не стал бы делать» (1957 г.).

Психолог К. Левин: «Власть *b* над *a* можно определить... как отношение максимальной силы воздействия *b* на *a*... к максимальному сопротивлению со стороны *a*» (1951 г.).

Легко заметить, что в основу большинства определений положено представление о принуждении как отличительной особенности власти. Только оценка Б. Рассела отличается большей широтой: любое достижение намеченного результата есть уже проявление власти, независимо от того, на чем оно основано.

Если обратиться к отечественным источникам, то В.И. Даль дает следующее определение власти: «Власть — право, сила и воля над чем, свобода действий и распоряжений; начальствование; управление» [7, т.1, с.213]. Слово «управлять» раскрывается следующим образом: «Править, давать ход, направление; распоряжать, заведовать, быть хозяином, распорядителем чего, порядничать. Государь управляет народом, государством, министры управляют каждой своей частью» [7, т.4, с.504].

Обращает на себя внимание, что в определение понятия «власть» заложено представление о свободе властвующего и несвободе подчиненного. Синоним «управлять» вносит уже несколько другой оттенок: он характеризует установление какого-то порядка, соответствия действия какому-то правилу.

Ф. Бурлацкий видит во власти «реальную способность осуществлять свою волю в социальной жизни, навязывая ее, если необходимо, другим людям» [2, с.19]. Использование средств принуждения предполагает и понимание власти Н.М. Кейзеровым [9, с.16].

Власти же часто противопоставляют понятие авторитета. В отличие от первой, опирающейся прежде всего на силу, считается, что авторитет способен оказывать ненасильственное влияние на поведение людей. Отчетливо это противопоставление прослеживается, например, у Н.М. Кейзерова: «Процесс управления может функционировать не прибегая к власти, а опираясь на авторитет как таковой, под которым подразумевается ненасильственное влияние, воздействие. Различие понятий власти и авторитета очевидно, ибо существует власть, которая не обладает авторитетом» [9, с.89].

Если власть, как обычно принято считать, является частью формальной общественной организации, выступающей в ин-

ституализированном виде, и подчинение ей соответственно предусмотрено сложившимися в обществе нормами социального поведения, а это дало основание, например, Е. Вятру определить ее как возможность приказывать в условиях, когда тот, кому приказывают, обязан повиноваться [5, с.159], то предполагается, что действие авторитета осуществляется неформально и не имеет в виду применение насильственных санкций по отношению к объекту своего влияния в случае неповиновения этому авторитету.

Итак, понятие власти отождествляется, по существу, с физическим принуждением или возможностью его использования в случае неповиновения властной воле. В соответствии с этой логикой возникновение такого общественного феномена как власть стало связываться в марксистской (прежде всего, советской) литературе с появлением в ходе исторического развития общества специального аппарата социального принуждения, т.е. с возникновением государства (как аппарата господствующего класса). Отсюда вытекало, что в бесклассовых (доклассовых) обществах, в которых отсутствует аппарат физического принуждения, т.е. государство, отсутствует и власть. Как следствие этой логики в советской литературе 70-х годов утверждается категория «потестарность» как определитель властных отношений в доклассовых обществах [11, с.3—4]. Иными словами, предполагалось, что управление в бесклассовых (вкл. доклассовые) обществах осуществляется исключительно за счет авторитета. Н.М. Кейзеров, например, писал: «Власть в коммунистическом обществе предстает, таким образом, в виде потенциальной возможности ее использования, процесс управления осуществляется, главным образом, посредством авторитета, и по мере превращения социализма в бесклассовое общество принудительные функции управления, воплощенные во власти, постепенно отомрут» [9, с.90].

Логика, основанная на сведении понятия власти к физическому принуждению (как правило институализированному) и отсутствие таковой в бесклассовых (доклассовых) обществах, наличествует и в работах Л.Е. Куббеля, который считал, что в первобытном обществе неравенство субъекта и объекта власти не включает отношений господства и подчинения [10, с.32]. С.А. Егоров пишет: «Очевидно... политическая власть в антагонистическом и социалистическом обществе имеет качественно различный характер. Если в первом случае ее сущностью яв-

ляются отношения господства и подчинения, то во втором — властные отношения все в большей степени приобретают характер отношений, основанных на руководстве, управлении, влиянии и контроле» [8, с.85]. По мнению Н.М. Кейзерова, подчинение в буржуазном обществе «обеспечивается главным образом посредством принуждения» [9, с.82]. Иначе говоря, для марксистской традиции характерно рассмотрение власти как организованного насилия.

Однако достаточно очевидно, что власть в любом обществе существует в виде потенциальной возможности использования ею аппарата насилия прежде всего по отношению к нарушителям норм поведения, принятым в нем. Поэтому вряд ли можно серьезно принять тезис о том, что в буржуазном обществе, как, впрочем, и в любом другом, подчинение обеспечивается главным образом посредством физического принуждения.

Таким образом, физическое принуждение не следует абсолютизировать, ибо оно занимает не столь существенное место в реализации властных отношений любого общества, хотя его роль несомненно возрастает по мере исторической эволюции. Поэтому будет ошибкой считать, что основой подчинения управляемых в классовых политических системах является страх перед физическим насилием, и противопоставлять его сознательному и добровольному подчинению, которое, как утверждалось, характерно для доклассовых и коммунистических обществ [9, с.82; 10, с.32].

Возникает вопрос: чем может быть вызвано представление о властных функциях, непременно связанных с подавлением одного субъекта другим? Анализируя результаты множества психологических исследований, проводимых как в нашей стране, так и за рубежом, можно предположить, что в процессе исторического развития менялись не только формы общественной организации жизни, соответствующие им структуры власти и типы властвующих субъектов, но и ментальные представления о их взаимосвязи. По-видимому, как общество в целом, так и человек проходят в своем развитии несколько стадий, характеризующихся различным отношением к власти. В онтогенезе выделяют 4 таких стадии: ассимиляции, автономности, самоутверждения и продуктивности. Их сущность определяется следующим образом: «Парадигмой стадии I (“нечто придает мне силы”) являются отношения матери и ребенка. С позиций ориентации на власть в последующие годы жизни она означает

отношения с людьми, которые могут поддержать, защитить, вдохновить, воодушевить, короче, увеличить у индивида ощущение собственной силы (например, индивид может вдохновиться речью политического лидера). Парадигма стадии II (“я сам придаю себе силы”) отвечает связанному с обретением независимости от матери и возрастом произвольного контроля над своим поведением среднего периода детства. Парадигма стадии III (“я произвожу впечатление на других”) характеризует подростка, для которого перестали существовать авторитеты, который постоянно меняет друзей, чье участие в соревновании определяется возможностью одержать верх над другими людьми. Парадигма стадии IV (“мне хочется выполнить свой долг”) соответствует взрослому состоянию, то есть зрелой личности, посвящающей свою жизнь служению какому-либо делу или определенной социальной группе» [19, с.320].

Нашими соотечественниками и современниками Л. Гозманом и А. Эткиндоном выделены 4 типа общественно-политического сознания (тоталитарный, авторитарный, либеральный и демократический), по сути соответствующие стадиям развития личности в онтогенезе. Эти типы различаются по 5 признакам: характеру и мере осуществления власти; отношению людей к власти, степени идентификации с источником власти; статусу горизонтальных социальных структур; характеру запретов; характеру идеалов политического поведения [6]. Сопоставляя характерные особенности политического сознания по этим признакам, можно заключить, на какой стадии развития, к какому типу принадлежит данное общество.

Теперь прервем цепь рассуждений и вернемся к определениям власти, представленным в начале. По-видимому, каждое из них ограничено типом сознания, характерным для общества в определенный исторический период и уровнем индивидуально-личностного развития, достигнутого автором определения.

Касаясь филогенетического процесса развития человеческого общества и особенностей коммуникаций, приводящих к отношениям управления/подчинения, уместно сослаться на работы известного палеопсихолога Б.Ф. Поршнева [13; 14]. Если проследить за его характеристиками стадий эволюции общества, то станет очевидным, что они совпадают в целом с указанными стадиями становления властных отношений в развитии отдельной личности и динамикой типов общественно-политического сознания. Б.Ф. Поршнев пытался определить

механизмы регуляции поведения на каждой стадии, применяя термины «имитация», «интердикция», «суггестия», «контрсуггестия», «контрконтрсуггестия».

Как известно, соединение животных в сообщества в целях сохранения вида естественно создает необходимость в системе регулирования отношений, предупреждения столкновений. Возникает иерархическая структура, в которой каждый член сообщества занимает определенное место. Высшее место в стаде занимает вожак, решающий три основные задачи: сторожевые, оберегания стада от рассеивания, защиты одних членов объединения от агрессии других. На этом этапе в качестве регуляторов взаимодействия работают механизмы имитации и интердикции. На этапе появления человеческого общества с возникновением речи ведущими механизмами становятся суггестия и контрсуггестия.

Основные функции суггестии заключаются в подавлении поведения, непосредственно связанного с потребностями индивида, и пробуждении поведения, направленного на интересы взаимодействия. Суггестия — один из наиболее архаических механизмов управления, основной ее принцип сводится к формуле «приказ—выполнение». В связи с этим предполагается, что древнейшие слова были глаголами, интердиктивными и императивными, побудительными и повелительными.

Суггестивный уровень общения — это уровень онтологии, бытия, являющийся только предпосылкой для развития нового, гносеологического уровня. В процессе эволюции был сформирован контрсуггестивный механизм регуляции, заключающийся в отказе от непосредственного выполнения суггестии. По словам Б.Ф. Поршнева, «в поступательном ходе всемирной истории происходили один за другим качественные сдвиги в отношениях между словами и вещами. Контрсуггестия побеждала суггестию, вещи побеждали слова. Это принадлежит к очень глубоким чертам истории как цельного процесса. Сдвиги начались вместе с ранними стадиями развития труда и производства, но они становятся наиболее отчетливыми с утратой трудом и материальной жизнью своей традиционности и квазине-подвижности. Так в процессе эволюции появился новый контур регуляции поведения, обеспечивающий развитие познания, созидания нового знания» [13, с.11]. Однако контрсуггестия также не является завершающей стадией развития механизмов взаимодействия: «История человеческого общества насыщена

множеством средств пресечения всех и всяческих проявлений контрсуггестии. Всю их совокупность я обнимаю выражением контрконтрсуггестия. Сюда принадлежат и физическое насилие, сбивающее эту психологическую броню, которой защищает себя индивид, и вера в земные и неземные авторитеты, и, с другой стороны, принуждение послушаться посредством неопровержимых фактов и логических доказательств» [14, с.197].

Нам также представляется, что истоки власти лежат в межиндивидуальном взаимодействии людей, в ходе которого возникают социально-психологические механизмы господства и подчинения. Похоже, что эти асимметричные отношения между людьми возникли на самых ранних стадиях социогенеза как важнейший фактор стабилизации социальной системы, как результат объективных различий в положении людей в социуме, расчлененности их ролевых функций (ср.: [15, с.7], что в свою очередь обеспечивало ее выживаемость в сложных условиях окружающей среды. В частности, многочисленные материалы по различным народам мира, находящихся на ранних стадиях социально-экономической эволюции, свидетельствуют о тождественности индивидуальных психологических переживаний, связанных с отношениями власти, тем, которые испытывает индивид в развитом, индустриальном обществе. В. Чалидзе справедливо, на наш взгляд, подметил: «Быть может, те психологи, которые не учитывают “низменных” биологических основ мотивации поведения, на самом деле пишут психологию человека далекого будущего, если предположить, что развитие пойдет в том же направлении, что и в последние, скажем, десять тысяч лет, т.е. по пути возрастания роли сознательной воли» [20, с.48]. На самом деле «сознание играет гораздо меньшую роль в поведении человека, чем это принято считать» [20, с.27]. Мысль о сохранении в поведении человека на всех стадиях эволюции самых архаичных моделей, возникавших вне его сознания, под сильным воздействием биологических мотиваций, высказывал и выдающийся психолог Л.С. Выготский: «Поведение человека в значительной своей части есть до сих пор поведение животного, поднявшегося на задние конечности и говорящего» [4, с.56].

Действительно, многие поведенческие модели, в том числе и в области властных отношений, по-видимому, унаследованы нами из далекого прошлого и реализуются сегодня в большей мере бессознательно. В. Чалидзе, например, считает, что воле-

вой детерминизм, точнее, его психологическая мотивация возникла «задолго до того, как появились существа, пытавшиеся что-то объяснить» [20, с.27].

В данной монографии сделана попытка реконструировать социально-психологические механизмы становления потестарных отношений между людьми в результате появления самой социальности, а также показать, что они продолжают сохраняться и в развитых социально-политических организмах, в поведении современного человека, определяя во многом его эмоции, переживания, поступки. «Эти приемы или способы поведения, стереотипно возникающие в определенных ситуациях, представляют как бы отвердевшие, окаменевшие, кристаллизовавшиеся психологические формы, возникшие в отдаленные времена на самых примитивных ступенях культурного развития человека и удивительным образом сохранившиеся в виде исторического пережитка в окаменелом и вместе с тем живом состоянии в поведении современного человека» [3, с.58].² Другими словами, достижение более высокой стадии не аннулирует предыдущие механизмы, поскольку низшие стадии представляют собой постоянный скрытый потенциал, способный актуализироваться в любой подходящей ситуации. К такому выводу склоняются многие исследователи эволюции потестарных отношений. В частности, Б.Ф. Поршнев утверждал, что смена механизмов взаимодействия осуществлялась не постепенно, а резкими качественными скачками, основанными на глубоких внутренних противоречиях. В связи с этим следует остановиться на противоречиях между индивидом и обществом, субъективными и объективными процессами.

Как мы уже отмечали ранее, объединение животных в общества порождено, в основном, инстинктом самосохранения и сохранения вида. Однако уже самые примитивные способы структурирования таких сообществ приводят к необходимости коррекции поведения индивида в соответствии с принятыми нормами. Дальнейшая эволюция является результатом постоянного «уравновешивания»:

- типа общественного существования, особенностей социальных норм и правил;
- степени развитости форм отражения и осознания действительности и их регулирующей роли в организации поведения отдельного индивида;

— степени социализированности первичных потребностей, их трансформации и расширения спектра от инстинктивного до социально мотивированного поведения;

— качественных особенностей типического «образа», являющегося регулятором как индивидуального, так и общественного поведения и деятельности.

На определенных этапах ведущую роль начинают играть видовые (общественные) или индивидуальные (индивидуальные) интересы. Суть «уравновешивания» состоит в своеобразном механизме самонастройки. Так суггестия, обеспечивающая приоритет общественных интересов над индивидуальными, неизбежно вызывает реакцию в виде контрсуггестии, приводящей к совершенствованию индивидуальных реакций. Далее процесс развития идет своим чередом. На психологическом уровне это проявляется в обращенности на внешние социально-деятельностные параметры бытия или же на особенности внутренней индивидуально-психологической жизни.

На протяжении длительного периода общественно-исторического развития процессу упорядочивания отношений вида и индивида были свойственны черты централизации. На уровне общественного устройства это проявлялось в трансформации общинной и племенной организации в государственную, на психологическом — в развитии сознания от магических до религиозных форм. На фоне централизации в то же время активно шел процесс самоопределения и самоосознания каждого отдельного индивида, его идентификации с образами и представлениями о субъектах власти, свойственными тому или иному историческому периоду.

В настоящее время выделяются следующие типы властного поведения, характеризующиеся различными источниками мотивации. В работе Х. Хекхаузен приведено их краткое перечисление [19, с.309]:

«1. Власть вознаграждения (reward power). Ее сила определяется ожиданием B того, в какой мере A в состоянии удовлетворить один из его (B) мотивов и насколько A поставит это удовлетворение в зависимость от желательного для него поведения B .

2. Власть принуждения, или наказания (coercive power). Ее сила определяется ожиданием B , во-первых, той меры, в какой A способен наказать его за нежелательные для A действия фрустрацией того или иного мотива, и, во-вторых, того, насколько

А делает неудовлетворение мотива зависящим от нежелательного поведения В. Принуждение здесь заключается в том, что пространство возможных действий В в результате угрозы наказания суживается. В предельном случае власть принуждения может осуществляться непосредственно физически, например, когда ребенка, который не хочет ложиться спать, бьют или насильно укладывают в постель.

3. Нормативная власть (*legitimata power*). Речь идет об интериоризированных В нормах, согласно которым А имеет право контролировать соблюдение определенных правил поведения и в случае необходимости настаивать на них.

4. Власть эталона (*referent power*). Основана на идентификации В с А и желании В быть похожим на А.

5. Власть знатока (*expert power*). Ее сила зависит от величины приписываемых А со стороны В особых знаний, интуиции или навыков, относящихся к сфере того поведения, о котором идет речь.

6. Информационная власть (*informational power*). Имеет место в случаях, когда А владеет информацией, способной заставить В увидеть последствия своего поведения в новом свете».

Перечисление различных источников власти свидетельствует о том, что современная психологическая наука признает существование властных отношений, основанных не только на механизме подавления и принуждения. Можно управлять людьми, используя другой рычаг, а именно — добровольное желание подчиняться и следовать определенным правилам взаимодействия. Осознание этого факта является важным этапом развития психологических представлений об особенностях власти и ее субъектов. К сожалению, осознание не обязательно влечет за собой воплощение в жизнь, иначе человечество уже давно достигло бы совершенства в управлении обществом. Противоречия, накапливающиеся внутри сообществ, не всегда решались эволюционным путем, приводящим к естественному прогрессу. Революции и прочие способы насильственных преобразований возвращали процессы общественно-исторического и индивидуального развития на «круги своя», заставляя повторять пройденный путь по всем стадиям, но уже в других временных развертках.

Потеря социально-объективных, устоявшихся ориентиров и образцов приводила к возрастанию роли субъективных представлений, создавая почву для «хаотического плюрализма».

Последующая организация требовала значительных усилий, как социальных, так и психологических. Зачастую этот процесс заканчивался насильственным насаждением определенных «регулирующих образов» социального устройства, характерным признаком которых являлось отрицание всех, даже позитивных качеств предыдущих [14]. Виток развития возвращался к своей исходной точке.

Подводя итог, попытаемся обобщить некоторые положения, важные для дальнейших рассуждений.

1. Понятие потестарности будет рассматриваться как волевое доминирование среди людей.

2. Представления о средствах и методах власти, типических свойствах ее субъектов связаны с особенностями сознания, характерными для общества в определенный исторический период и уровнем индивидуально-личностного развития исследователя. Последний фактор является своеобразной точкой отсчета, определяющей направление научного анализа проблемы.

3. Достижение более высокой стадии развития как в общественном, так и личностном плане не аннулирует предыдущие, они могут актуализироваться в подходящей ситуации при определенном совпадении объективных и субъективных условий.

¹ Основные типы определений власти Е. Вятра: 1) бихевиористские (оценивающие власть как особый тип поведения, изменяющий поведение других); 2) телеологические (характеризующие власть как достижение определенных целей); 3) инструменталистские (рассматривающие власть как возможность использования определенных средств, в частности насилия); 4) структуралистские (считающие власть отношением особого рода между управляющим и управляемым); 5) конфликтные (сводящие власть к возможностям принятия ею решений, регулирующих распределение благ в конфликтных ситуациях); 6) определяющие власть как влияние, оказываемое на других [5, с.158].

² Это высказывание Л.С. Выготского в общеметодологическом плане переключается с мыслью Гегеля о том, что всеобщее не только ничего «не оставляет позади себя, но несет с собой все приобретенное и обогащается и уплотняется внутри себя» [цит. по: 12, с.212].

1. Арсеньев В.Р. Звери—боги—люди. М., 1991.
2. Бурлацкий Ф., Галкин А. Социология, политика, международные отношения. М., 1974.
3. Выготский Л.С. Собр. соч. М., 1984. Т.3.
4. Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения. М., 1930.
5. Вятр Е. Социология политических отношений. М., 1979.

6. Гозман Л., Эткинд А. От культа власти к власти людей // Нева. 1989. № 7.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т.1, 4.
8. Егоров С.А. Политическая система. М., 1983.
9. Кейзеров Н.М. Власть и авторитет: Критика буржуазных теорий. М., 1973.
10. Куббель Л.Е. Власть // СЭОСК.
11. Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.
12. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.29.
13. Поршнев Б.Ф. Контрсуггестия и история // История и психология. М., 1971.
14. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. М., 1974.
15. Философия власти. М., 1993.
16. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
17. Филиппов Г.Г. Социальная организация и политическая власть. М., 1985.
18. Хатунцев Б.И. О природе власти. Саратов, 1925.
19. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М., 1986.
20. Чалидзе В. Иерархический человек. М., 1990.

Глава I

ИСТОКИ ВЛАСТИ

Возникновение социальной кооперации, как качественно нового типа организации материи, неизбежно означало появление нового способа осуществления иерархического принципа, определяющего структуру любой сложной самоуправляемой системы. Эта иерархическая структура должна была обеспечивать управление процессом совместной трудовой деятельности. Упорядочение такой деятельности могло осуществляться только посредством нормирования поведения людей, которое должно было обеспечивать функционирование и воспроизводство социума как целостности. Поэтому именно процесс формирования первых социальных норм можно считать и началом становления потестарных отношений между людьми, так как следование норме всегда есть подчинение, а нарушение ее предполагает наказание со стороны всего общества или какой-нибудь его части. На связь социальной нормы и отношений власти обратил внимание и Н.М. Кейзеров [26, с.91]. Исходя из данной логики, решение проблемы генезиса власти, в известной степени, упирается в проблему происхождения первых норм поведения у людей, т.е. социальных норм.

Хорошо известно, что в примитивных социальных организациях отсутствовали институализированные средства физического принуждения, которые бы применялись к нарушителям норм поведения. Однако это не означало, что принуждение вовсе не использовалось, просто оно было весьма редким явлением. Основными механизмами, обеспечивавшими порядок в первобытных социумах, были психологические. Поэтому поведение представителей таких обществ, когда строго соблюдались нормы и при этом почти отсутствовало физическое принуждение, часто определяют как подчинение «обезличенной власти традиции». Традиция проявлялась в форме обычаев, ритуалов, этикета, выступавших в качестве императива по отношению к индивиду. Г. Спенсер отмечал в этой связи: «Мы должны будем заключить, что самый ранний и самый общий вид правительства, возобновляющийся всегда самопроизвольно, есть правительство обрядов, обычаев и общественных це-

ремоний, которые мы называем «обрядовое правительство» [44, с.111]. С нашей точки зрения, именно власть традиции и содержала те первоосновы потестарных отношений, каковые и по сей день сохраняются в социально-политических системах. Рассмотрим же социально-психологические механизмы этой власти, их становление и функционирование в системах различных стадияльных уровней.

1. ВЛАСТЬ ТРАДИЦИИ: ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ

Материалы, собранные этнографами по первобытным этносам, говорят о том, что реализация социальных норм осуществлялась индивидом большей частью бессознательно, т.е. поведению не предшествовал внутренний диалог с самим собой (таким пониманием бессознательного пользуется Т. Шибутани [67, с.241]). Известный африканист Э.Э. Эванс-Притчард отмечал: «Африканцы ничего не знают о силах, определяющих их социальное поведение. Они не думают о тех интересах, которые руководят ими, институтах, посредством которых они организуют коллективные действия, и структуре групп, в которые они организованы... Социальная система трансформируется у них в виде священной необходимости, где фигуры, ее составляющие, не подлежат критике или пересмотру» [54, с.17]. Когда же европейские исследователи задавали вопросы, пытаясь установить мотивы того или иного поведения, то слышали в ответ обычную формулу — «так принято», или «это закон наших предков».

Известная доля бессознательного или автоматического поведения присуща и представителям современных индустриальных обществ. Фактически, в любом социуме, на какой бы стадии эволюции он ни находился, индивиду приходится сталкиваться в ходе своей жизнедеятельности с определенным набором стандартных ситуаций, что избавляет его от необходимости снова и снова затрачивать интеллектуальные усилия на поиск оптимального поведения. Однако психологические процессы, сопровождающие это поведение, на наш взгляд, имеют качественные отличия от тех, которые лежали в основе поведения людей архаических систем. Так, индивид развитого индустриального общества, реализующий в своем поведении ту или

иную социальную норму бессознательно, тем не менее объяснит (если ему будет задан вопрос), почему он поступает именно так. Причем в его ответе будет содержаться информация о мотивах, целях и способах деятельности. Это, вероятно, свидетельствует о том, что внутренняя речь или диалог сопутствует у современного человека становлению нормы и при необходимости (т.е. при ответе на вопрос) она может быть переведена в речь внешнюю, хотя на данный момент времени, вследствие постоянного воспроизводства такой нормы, индивид реализует ее уже автоматически (бессознательно). Многие нормы в поведении человека индустриального общества наследуются от прошлых поколений, в раннем возрасте, без критического их осмысления (нормы этикета, морали и т.д.). Однако в случае появления у такого индивида необходимости объяснить свое поведение он сделает это в соответствии с рационалистическим психическим алгоритмом, определяющим формирование и осуществление поведения современным культурным человеком, вычленив в нем мотивы, цели и т.д., т.е. здесь ярко проявляется момент рефлексии, анализа, рационализации, характерные для менталитета и культурной модели современного человека. В то же время в детской психологии можно наблюдать наличие, по выражению Л.С. Выготского, «поведенческих документов» прошлого. Это объясняется определенными соответствиями между онто- и филогенезом, на чем настаивал тот же Л.С. Выготский. Поэтому моя трехлетняя дочка на задаваемый вопрос о мотивах ее поведения в стереотипных ситуациях неизменно отвечала: «Потому что». При повторном вопросе, почему она так поступает, следовал тот же ответ, в котором сквозило удивление непонятливости родителя.

Мотивация поведения представителями архаических систем свидетельствует о преобладании иного механизма возникновения и реализации норм поведения. Исследования в области исторической психологии выявили слабый уровень теоретического мышления у человека доиндустриального общества, а также отличную функцию слова. «Слово, выполняющее в теоретическом мышлении функции абстракции и кодирования предметов в понятийные системы, здесь служило средством воспроизведения наглядно-действенных ситуаций и установления связей между предметами, входящими в наглядно-действенную ситуацию» [33, с.105].

Такой тип мышления не дает оснований предполагать возможность возникновения норм поведения на ранних стадиях общественной эволюции посредством отвлеченных от конкретно-наглядной деятельности индивида интеллектуальных операций, осуществляемых в категориях языка. Это, по-видимому, не исключает того, что при формировании поведенческой модели индивид мог использовать свой предшествующий практический опыт и даже опыт других людей, но эти операции происходили помимо языкового мышления, т.е. без предварительной внутренней коммуникации, бессознательно. Такую нетождественность в мотивации поведения людей различных формаций можно объяснить, по всей видимости, асинхронностью развития практически действенного интеллекта, теоретического мышления и мышления речевого. Сходное явление можно фиксировать в процессе развития психики ребенка, которое при известном тождестве между онто- и филогенезом во многом объясняет и поведенческие модели представителей архаических социальных систем. В частности, как установлено, сначала ребенок учится действовать, потом говорить, и его слова являются как бы результатом практического решения задачи; на определенном же этапе своего развития ребенок в словах не может определить, что было раньше, что позже [13, с.261, 262, 268].

Процесс мышления первобытного человека приводил его к некоторым умозаключениям в области практической деятельности, однако это не означало, что они находили отражение в понятийно-логических категориях. В ходе практической деятельности формировались и социальные нормы поведения, но без участия слова как регулятора поведения. Собственно, именно это и фиксировали европейские исследователи, наблюдавшие, с одной стороны, логичность действий людей, а с другой — отсутствие этой логики на уровне абстрактного знания. Поэтому вряд ли целесообразно искать источник возникновения первых социальных норм в идеологических, мировоззренческих представлениях, когда первобытный человек предстает в качестве такого мыслителя, озабоченного своей эволюционной судьбой и изобретающего соответствующие социальные нормы, способные обеспечить его будущность в благоприятном для него направлении.

В общеметодологическом смысле представляется убедительным взгляд В.Д. Плахова на процесс возникновения соци-

альных норм поведения на ранних этапах эволюции человеческого общества в результате общесистемного отбора, который, по его мнению, принципиально мог быть только эвристическим: «Данное обстоятельство связано с фундаментальной способностью всех эволюционирующих систем к так называемому отбору шума (случайностей) на основе критерия существования» [39, с.198]. Согласно же К. Лоренцу, этот «отбор шума» осуществлялся на общественно-психологической основе: «Социальные нормы и обычаи, характерные для культур, скорее производят впечатление, что формировал их добрый старый естественный отбор, действовавший не на генетической, а на общественно-психологической основе и использовавший в качестве сырья, вместо мутаций и рекомбинаций, случайно возникшие обычаи и привычки» [32, с.48]. Ф. Боас также полагал, что «многие обычаи возникли без какой-либо сознательной деятельности» [10, с.121].

Исходя из представлений о вероятностном характере возникновения социальных норм, можно предположить, что в его основе лежали случайные поведенческие акты, которые, вследствие их большего соответствия потребностям системы в ее стремлении к устойчивости, превращались в общественную норму. Мы также склонны рассматривать *внушение* определяющим психическим механизмом, обеспечивавшим превращение такого случайно возникшего поведенческого акта в общественную норму. Феномен *внушения* привыкли исследовать исключительно в рамках психиатрии, хотя он играет огромную роль в межличностных отношениях, во многом определяя социальное и политическое поведение людей. На это обращал внимание и В.М. Бехтерев, убежденный, что «*внушение* как фактор заслуживает самого внимательного изучения для историка и социолога, иначе целый ряд исторических и социальных явлений получает неполное, недостаточное и часто даже несоответствующее объяснение» [9, с.175]. По его же наблюдениям: «В обыденной жизни мы встречаемся нередко с действием невольного *внушения*... Это *внушение* происходит незаметно для лица, на которое оно действует, а потому обыкновенно и не вызывает с его стороны сопротивления... действие невольного *внушения* и взаимовнушения гораздо шире, чем можно было бы думать с самого начала. Оно не ограничивается отдельными более или менее исключительными лицами, подобно намеренному *внушению*, производимому в бодрствен-

ном состоянии, а также не требует для себя никаких необычных условий подобно внушению, производимому в гипнозе, а действует на всех и на каждого при всевозможных условиях... Невольное внушение и взаимовнушение, как мы его понимаем, есть явление всеобщее» [9, с.38].

Внушение реализуется в процессе психического взаимодействия людей, когда одни прививают другим (осознанно или неосознанно) те или иные психические состояния, ценности, установки и т.д. При этом внушаемая информация принимается индивидом при сниженной степени осознанности и критичности, «становится внутренней установкой, которая направляет, регулирует и стимулирует психическую и физическую активность, реализуемую при той или иной степени автоматизма» [29, с.26]. Судя по всему, предрасположенность к внушению на ранних стадиях человеческой эволюции была гораздо более значительной. К тому же экспериментальные исследования свидетельствуют о большей степени внушаемости людей со слабым развитием теоретического мышления. Иными словами, теоретическое мышление значительно снижает эффект внушения, как бы противостоя ему. Это происходит, видимо, потому, что по мере эволюции человеческой психики общение между людьми становится менее эмоциональным за счет развития понятийно-категориального мышления. Последнее служит своего рода «смысловым барьером», преградой неосознанного усвоения психической информации. В результате в обществах высших стадий социально-экономического развития роль внушения в процессе психического взаимодействия их членов в целом снижается и возрастает роль убеждения.

По мнению В.М. Бехтерева, «убеждение может действовать на лиц, обладающих здоровой логикой, тогда как внушение действует не только на лиц со здоровой логикой, но еще в большей мере на лиц, обладающих недостаточной логикой, как, например, детей и простолюдинов» [9, с.181]. Б.Ф. Поршнев считал, что «убеждение есть разборка того частотола или, если угодно, бетонированного укрепления, которым личность загорожена и защищена от внушения» [40, с.160]. Современные исследования также свидетельствуют, что процессы внушения наиболее активно протекают там, где индивид наиболее сильно интегрирован в коллектив, а это было характерно для людей архаических формаций. «Коллектив оказывает влияние на все стороны психологии и поведения индивида. Это влияние может быть

сильным и слабым, положительным и отрицательным — все зависит от взаимоотношений между индивидом и коллективом» [29, с.20].

Учитывая специфику развития психических процессов на ранних стадиях социогенеза, когда в познании человеком окружающей среды преобладало чувственное начало, естественно предположить, что процесс внушения или взаимовнушения скорее всего сводился к *подражанию*. В основе же подражания лежит одно из основных, присущих эмоциям свойств, а именно — вызывать аналогичные реакции у окружающих. Посредством подражания случайно воспроизведенный поведенческий акт мог закрепиться в качестве общественной нормы, поскольку такой акт служил источником заражающей эмоции. Сначала положительная эмоция возникала у индивида, совершившего поведенческий акт, приведший к удовлетворению той или иной потребности. Как считает А.П. Анохин, «первичное эмоциональное ощущение... может быть единственным критерием успешности действия периферического аппарата» [3, с.80]. Поэтому механизм эмоции служил гарантом воспроизводства действия, приведшего некогда к переживанию положительных эмоций, и таким образом, закрепления его в качестве привычного действия. Именно этот механизм, по всей видимости, лежал в основе формирования традиций. Согласно К. Лоренцу, «в самом процессе возникновения традиции срабатывают какие-то инстинктивные механизмы. Главный из них — потребность следовать привычке» [32, с.48]. В результате формировался своего рода эмоциональный обруч, крепко опоясывавший весь коллектив и каждого индивида в отдельности, который и служил гарантом соблюдения норм поведения. Он же во многом определял и психологическую основу власти традиции. Эта власть была эффективным психологическим регулятором, обеспечивая соблюдение представителями архаических обществ норм поведения.

Механизм привычки обеспечивал не только внутренний психологический контроль за соблюдением индивидом норм поведения, но и контроль со стороны общества, так как индивидуальное отклонение от какого-либо привычного для общества поведения неизбежно вызывало сильную негативную эмоциональную реакцию со стороны других членов коллектива. Представляется, что контроль со стороны общества за соблюдением сложившихся норм поведения на ранних стадиях со-

циогенеза вряд ли мог быть обусловлен психическим механизмом, в основе которого было рациональное осознание опасности для всего социума, как это нередко утверждается [23, с.318]. Прав, по всей видимости, Ф. Боас, считавший, что антагонизм против нарушения привычного поведения со стороны окружающих «является рефлексивным действием, сопровождаемым эмоциями, не вызываемыми сознательным размышлением» [10, с.120]. Известно также, какую огромную роль отводил И.П. Павлов привычке как регулятору человеческого поведения [38, с.244].

Связь социальных норм прежде всего с эмоциональными процессами посредством психофизиологического механизма привычки и обеспечивала в первую очередь ту власть традиции, которой индивид архаического общества беспрекословно подчинялся, так как эти нормы коррелировали с функционированием всего человеческого организма. Известно, что эмоциональные процессы находятся в ведении подкорки. Подкорка также управляет симпатической нервной системой, регулируя деятельность внутренних органов. В то же время, как показал И.П. Павлов, переживаемые чувства связаны и с процессами в коре больших полушарий [38, с.355]. Следовательно, в случае отклонения от привычного поведенческого стандарта неизбежно должно было бы возникнуть торможение раздражительного процесса в коре больших полушарий и возникновение в результате этого отрицательных эмоциональных переживаний. Эти переживания, в свою очередь, должны были приводить в возбуждение подкорку, связанную с деятельностью внутренних органов человеческого организма. Поэтому неудивительно, что исследователи первобытных народов часто были свидетелями психогенной смерти туземцев, причиной которой являлись эмоциональные переживания, вызванные нарушениями ими норм поведения.

Психофизиологический механизм привычки играет важную роль в подчинении индивида политической власти и в современных государствах, особенно с авторитарными формами правления, в рамках которых происходит политическая социализация граждан (если, конечно, такой режим существует на протяжении жизни не только одного поколения). Здесь политическое поведение людей ограничено жесткими стереотипными ситуациями и усваивается оно с раннего детства в большей части бессознательно. Поэтому всякие изменения в такой сис-

теме сопровождаются нарастанием психологического дискомфорта, который может доходить до стрессовых ситуаций. Об этом свидетельствуют переживания многих представителей российского общества, особенно старшего поколения, в эпоху перехода от тоталитарной политической системы к демократической. Именно пожилые люди, т.е. наименее способные к изменению поведенческого стереотипа, испытывают наиболее сильные отрицательные эмоции от политических реформ; зафиксированы, как известно, и случаи их самоубийств.

Иными словами, отсутствие политической динамики, как в архаических системах, так и в авторитарных (тоталитарных) обуславливает большую роль привычки в регуляции политического поведения членов таких обществ. А. Богданов так в свое время сформулировал эту мысль: «В старые времена людям жилось лучше, т.е., собственно, не лучше, а легче. И не в том смысле легче, чтобы меньше было труда и страданий — нет, всего этого было более чем достаточно, — а думать людям не приходилось. За них думали другие — но и эти другие, собственно, тоже не думали, потому что и за них думали третьи, а за третьих, таким же образом, четвертые и т.д. Казалось бы, что в этой цепи «не-думания» должны были на самом конце оказаться какие-то «думающие», но и этого не было. Дело в том, что цепи конца не было. Цепь живых людей в своем целом соединялась с цепью мертвых, и за живых думали мертвые: это называлось заветами предков» [11, с.1].

Соотечественникам не составит труда вспомнить то состояние «недумания», которое было характерно для большинства из них не в столь отдаленные времена, да и, похоже, бывшие руководители не очень-то утруждали свою голову, руководствуясь зачастую не здравым смыслом, а заветами коммунистических предков (война в Афганистане, к примеру, во многом была мотивирована не соображениями рациональной целесообразности, а догмами классовой борьбы, интернационализма, солидарности трудящихся и т.д.).

Привычка, как регулятор политического поведения, действует на иррациональном уровне, обуславливая неприятие тех или иных новаций, несмотря на то, что, казалось бы, последние не противоречат интересам людей и даже могут нести им определенные выгоды. Тот же А. Богданов отмечал: «Враждебное отношение авторитетов к новшествам постоянно наблюдается и тогда, когда новшества прямо не затрагивают

жизненных основ господства этих авторитетов: очевидно, здесь дело уже в том общем консервативном настроении, которое складывается на почве авторитарных форм» [11, с.132]. Такие примеры довольно часто можно наблюдать в современной России, хотя наблюдается склонность, иногда в большей мере, чем это есть в действительности, объяснять политическое поведение консерваторов классовыми, групповыми и прочими интересами, т.е. рационализируя их поведение в соответствии с опять же господствующим в современном обществе алгоритмом мышления.

2. СВЯЩЕННЫЙ ТРЕПЕТ, ИЛИ АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ТАБУ

Для понимания власти традиции, которая эффективно господствовала над индивидом архаического общества и продолжает в известной мере определять его политическое поведение и сегодня, необходимо рассмотреть и психофизиологические свойства такой нормы поведения как *табу*.

Науке известны многочисленные и разнообразные запреты (табу), соблюдаемые представителями первобытных обществ в своем поведении. Табу в таких обществах — это, в известном смысле, нормы поведения со знаком минус, т.е. то, чего нельзя делать. Реализация таких норм поведения также осуществлялась бессознательно. З. Фрейд отметил в этой связи: «Итак, дело идет о целом ряде ограничений, которым подвергаются эти первобытные народы: то одно, то другое запрещено неизвестно почему, а им и в голову не приходит задуматься над этим: они подчиняются этому как чему-то само собой понятному и убеждены, что нарушение само повлечет жесточайшее наказание» [46, с.7].

Многие исследователи склонны отводить запрету решающую роль в процессе становления социальности. «Можно говорить даже, что в известном смысле первое табу предопределило первого человека» [1, с.107]. В дальнейшем мы еще вернемся к его социальной функции, здесь же нас прежде всего интересует психофизиологический механизм запрета, т.е. механизм, обеспечивающий определенные эмоциональные переживания.

Одной из основных составляющих этих переживаний есть чувство страха. Бразильский ученый Ж. Кастро, занимавшийся

исследованием физиологического аспекта запретов, пришел к выводу, что в основе табуаций у народов, находящихся на ранних стадиях эволюции, лежит механизм условных рефлексов [25, с.198]. Образование же этих рефлексов сопровождается возникновением чувства страха.

Однако переживанием эмоции страха не ограничивалась та часть власти традиции, которая была заключена в культурной норме табу и обеспечивалась психофизиологическим механизмом запрета. Другой важной составляющей (вследствие действия того же механизма) является положительная эмоция, которой сопровождается тяга индивида к тому или иному запрещенному действию. Таким образом, чувства, переживаемые субъектом в процессе реализации табу, носят амбивалентный характер, что, собственно, постоянно, фиксировалось европейскими исследователями. З. Фрейд характеризовал чувство, вызываемое табу, как «священный трепет» [46, с.32].

А. Брайант, наблюдавший проявления этого чувства у зулусов, писал: «Обычай табу, общий для всех первобытных народов, является воплощением священного ужаса... Мы сказали ужас, и это верно, именно ужас. Зулусское слово “уквесаба” обычно переводится глаголом бояться, но означает больше, чем страх — это сложное чувство — соединение страха и почтения. Поэтому слово ужас подходит больше» [12, с.145]. Ф. Боас отмечал: «Значение табу разветвляется в двух противоположных направлениях: с одной стороны, оно означает святой, священный, с другой — жуткий, опасный, запретный, нечистый» [10, с.36].

Таким образом, наличие этой первостепенной психологической субстанции власти, т.е. страха, было связано не с возможностью использования физического принуждения, а непосредственно с самими социальными нормами, что, собственно, и делало это чувство социальным в отличие от страха животного, хотя в основе того и другого лежал общий психофизиологический механизм. Поэтому остановимся на социальной функции табу, раскрывая ее в единстве социологического и психологического.

Выше отмечалось то большое значение, которое придается исследователями первобытности роли табу в процессе становления человека. Многие из них видят в возникновении табу тот решающий шаг, который сделал предчеловек на пути к *Homo sapiens*, обуздав свои биологические инстинкты, и в пер-